

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ
(по материалам Красноярского края)**

XXI век ознаменован процессами, в ходе которых мир все очевиднее превращается в единую глобальную систему.

В современных дискуссиях выделяются три измерения или проявления глобализации: экономическое, культурное и политическое.

Известно, что экспансия капитализма, его превращение в интегрированную мировую экономику, расширение мировых финансовых рынков - главный фактор глобализации.

Финансовой глобализации способствовало развитие информационных технологий, сделавшее возможным функционирование глобальных рынков в режиме реального времени.

Другой важный фактор экономической глобализации – развитие транснациональных корпораций, объясняющее беспрецедентный рост мировой торговли в последние 25 лет. Неподконтрольность ТНК национальным правительствам, масштабы их доходов определяют интеграцию экономической активности в глобальном масштабе, обобществляют производство.

Наконец очевидным фактом мирового бытия, по мнению исследователей, является глобализация культуры в результате развития туризма и беспрецедентно возросшего миграционного обмена между обществами.

Одним из мощных факторов изменения глобализирующегося мира в наше время стала трудовая миграция населения из слаборазвитых стран в развитые капиталистические страны. Крупномасштабная внешняя трудовая миграция сыграла определяющую роль в развитии современного мира и особенно - в экономическом развитии Европы после окончания Второй мировой войны. К началу 70-х годов прошедшего столетия в северо-западных индустриальных районах Европы проживало свыше 11 миллионов иностранных рабочих-мигрантов. В Германии и Британии уже тогда каждый седьмой работник физического труда был иммигрантом.

---

* © И.С. Малолеткова, Красноярский государственный университет, 2006.

Западная мысль классифицирует причины внешней миграции в развитые капиталистические страны с точки зрения «притягивающих» и «выталкивающих» факторов. Мигранты стали желательным фактором в развитии экономики развитых стран в связи с увеличением в последних сроков образования. Позднее вступление молодежи на европейские рынки труда создавало определенную брешь, которую и заполняли некачественно подготовленные мигранты. При этом местные рабочие переходили на лучше оплачиваемые, «беловоротничковые» и квалифицированные рабочие места.

«Выталкивающими» факторами миграции, по признанию западных аналитиков, являются безработица, бедность и зависимое развитие экспортируемых рабочую силу стран, которые имеют стабильно высокие уровни роста населения, безработицы, низкие доходы граждан.

Общепризнано, что миграция не обеспечивает экономического развития бедных регионов мира, последние, к тому же, теряют свою рабочую силу и развиваются по-прежнему в зависимости от центров индустриального капитализма.

В развитых капиталистических странах итогом миграционных процессов, кроме экономического роста, все очевиднее становится смешение расовых и этнических культур, паритетное развитие и даже в ряде случаев преобладание иноязычного или, как принято говорить, «цветного» населения над коренным, «белым» населением ряда стран. Усложняются в них процессы аккультурации, углубляются этнические, религиозные, расовые противоречия. В современной Германии, например, до 30 процентов ее населения – турки, во Франции – арабы из Северной Африки, выходцы из Туниса, Алжира, Марокко.

Формирование этноклассов с неравным разделением сфер труда, ситуация неоднородного развития центров и периферий в европейских государствах порождают, наряду с экономической интеграцией и общей тенденцией к успешному экономическому росту, явление, обозначенное в мировой экономике как «внутренний колониализм»; это усугубляет противоречия национальных центров и периферийных территорий, усложняет процессы экономического развития и приводит к нарастанию межэтнических противоречий [1].

В 90-е годы XX столетия, после развала СССР, Россия превратилась в третий (после США и Германии) мировой центр миграции. Вынужденная и добровольная, легальная и нелегальная иммиграция в страну за 1992-2002 годы составила более 6,2 миллионов человек. Если к ним прибавить 1,2 миллиона беженцев и более 2 миллионов официально незарегистрированных иммигрантов, то общая численность «возвратившихся» в Россию из стран ближнего зарубежья за эти годы составила, по минимальным оценкам, около 10 миллионов человек, из которых около 70 процентов русские [2, с. 352].

По мнению В.А. Ионцева [3], начиная с 1992 года международные миграции населения в России приобретают функцию сглаживания демографического кризиса в стране, обусловленного естественной убылью, которая за 1992-1997 годы составила более 4,5 миллионов человек. В наше время, оценивая естественную убыль населения за 1992-2005 годы, специалисты исчисляют ее в объеме до 10 миллионов человек.

Самые существенные изменения в 90-е годы претерпели межрегиональные миграции внутри России. Возникло принципиально новое направление внутрироссийских миграций - из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в европейские области страны, в основном, в промышленно развитые и административные центры. По существу, произошел резкий слом вековой генеральной тенденции перераспределения населения России: с Запада на Восток. При этом межэтнические конфликты и войны на территории бывшего СССР, сепаратизм, терроризм и борьба с ним на Северном Кавказе, стремление региональных элит к этническому превосходству на территориях бывших союзных республик и в ряде национальных республик Российской Федерации изменили политическую и культурную действительность таким образом, что в СНГ сложилось ощущение социального и психологического дискомфорта для русскоязычного населения. Это в свою очередь привело к его массовому исходу из обжитых ранее мест.

Сегодня, при некоторой тенденции к снижению, общее количество выезжающих из СНГ мигрантов колеблется в пределах 6 – 8 тысяч ежегодно.

При этом неуклонно растет внешняя трудовая иммиграция, к 2003 году достигшая в России до 10 тысяч человек только по официальным данным.

Особенность современной миграционной ситуации в России – в стремительно возрастающем значении этнического фактора, в росте полиэтничности регионов, принимающих мигрантов.

Кроме того, Россия вовлечена в интенсивный «экспорт мозгов» и несет потери на интеллектуальном уровне, также различающиеся по отдельным регионам.

Указанные процессы свойственны Красноярскому краю и характеризуются у нас среднестатистическими показателями общероссийского уровня.

Анализ динамики процессов миграционного обмена Красноярского края показывает его всплеск в 1991-1994 годах, когда состоялся пик миграции, и некоторое снижение выезда мигрантов из края в настоящее время. Так, с 1990 по 2003 годы, численность эмигрантов из края уменьшилась в семь раз.

В этот же период наблюдалось сокращение темпов прибытия иммигрантов в край (беженцев, переселенцев – всего до 4 тысяч семей), поскольку их трудоустройство и обеспечение жильем проблемно.

В целом же за 1990-2003 годы в край прибыло до 17 тысяч человек и 18 тысяч выехало из него. Наряду со снижением миграционного обмена (приезда и выезда) постоянных мигрантов, в крае заметно активизиро-

валась временная трудовая миграция. От трех до пяти тысяч временно прибывающих мигрантов регистрируется ежегодно [4].

При этом основные группы временных мигрантов прибывают из стран Ближнего и Дальнего зарубежья Юго-Восточной Азии: таджики и узбеки, жители Китая и Северной Кореи – наши постоянные гости. Сфера их трудовой деятельности – торговля, организация ресторанов, кафе в крупных городах, а также строительно-ремонтные работы в городах и пригородах, овощеводство в центре и на юге края, лесоразработки и вывоз древесины в северных районах. Расселяются временные и постоянные мигранты в крупных городах и пригородах: Красноярске, Сосновоборске, Дивногорске, Ачинске, Канске – по линии железной дороги – в Козульке, Боготоле и других городах.

Весьма значительна, в силу несовершенного законодательства, нелегальная миграция в край. По экспертным оценкам она в полтора – два раза превышает официально регистрируемую. Некоторые аналитики Новосибирского филиала РАН полагают, что нынешняя нелегальная миграция из Китая в Сибирь принимает угрожающие размеры, и насчитывают китайцев на Дальнем Востоке – до 4 миллионов, в Красноярском крае до 40 тысяч, что, впрочем, нельзя проверить в силу незакрытости краевых границ. Есть в крае иммигранты из кавказских республик [5].

Одновременно с притоком иммигрантов обнаружилась тенденция к значительному сокращению местного населения вследствие превышения смертности над рождаемостью, а также массового выезда интеллигенции, специалистов из края.

Сложившееся положение обусловило изменение этнического состава местного населения. В современном составе населения края 85,3 % – русские, 5,8 % – украинцы, 4,9 % – представители закавказских этносов, остальные этносы занимают менее одного процента от населения края каждый. Всего же в крае насчитывается до 150 народностей и этнических групп [4, с. 7]. Столь тщательный подход современной статистики к выделению этнических групп в сибирском субэтносе не случаен. Наряду с общемировыми миграционными процессами как следствием глобализации он служит отражением еще одной глобальной тенденции развития на региональном уровне.

Широко известно, что в конце XX столетия, когда человечество столкнулось с проблемой сочетания глобализации, универсализма и актуализации различий – более всего национальных и этнических, расовых и религиозных, – наибольшее распространение в общественной жизни европейских государств, так же как и в научном контексте, получили этнические принципы формирования и характеристики международных отношений.

В американской социологии так называемой проблеме «этничности» посвящен целый пласт литературы. Множество американских политологов придерживается мнения, сформулированного Н. Глезерендом и Д. Майнихеном в книге «Этничность: теория и опыт», согласно которому «именно этничность обеспечивает реальный набор общих черт в языке, пище, музыке, названиях, тогда как другие социальные роли становятся более абстрактными и безразличными» [6, с. 58].

Характерным для американской доктрины этничности является игнорирование классовых противоречий, замыкание межнациональных отношений в сфере этнокультурных и этносоциологических процессов; суждения о сложностях психологической, культурной и духовной «совместимости» народов и этнических групп; об этноцентризме, заложенном в природе каждого человека, о «праве этносов не только на благоприятную природную среду, но на политическую самостоятельность» [7, с. 76]. Именно последнее утверждение чаще всего относится к российскому обществу.

В свете теории этничности межнациональные отношения более пятнадцати лет исследуются во всей России и в Красноярском крае. В практику руководства этнокультурными процессами в крае широко внедряется опыт взаимодействия благотворительных центров, религиозных и национальных обществ Запада с краевыми органами управления. И надо признать, что в этом опыте есть немало рационального. Вместе с тем, наличествуют в нем некоторые тенденции к пропаганде самоизоляции отдельных этнических групп, к противопоставлению культурных и моральных стандартов малых народов общецивилизованной культуре России. Последнее используется рядом политиков для дальнейшего углубления раздробленности России по национальному признаку.

Так, на прошедшей в 1992 году в Иркутске конференции в ряде докладов были выдвинуты весьма серьезные, но подчас ничем не обоснованные тезисы о притеснении коренных народов Сибири со стороны русского населения. Некоторыми, особенно амбициозными, политиками предлагалось создание национальных заказников или биосферных заповедников для коренных малочисленных народов Сибири. Рациональное в предложениях по совершенствованию национальной политики смешивалось с политической игрой, саморекламой отдельных выдвиженцев на политические роли, возбуждая при этом недоверие народов друг к другу [8; с. 18-19].

Сегодня состояние межнациональных отношений в Красноярском крае, подвергшихся заметному давлению сепаратистских настроений в период «парада суверенитетов», не вызывает настороженности. Сибирякам-красноярцам удалось сохранить дружеские контакты различных этнонациональных и конфессиональных групп в местах их совместного проживания и землепользования, избежать проявления национального

изоляция или эгоизма, подавления среды обитания малых этнических групп в интересах инациональных объединений.

Проблемы же правового регулирования во взаимоотношениях между малыми и большими коренными народами (ибо русский народ в Сибири - тоже коренной) нельзя, видимо, решать без понимания исторически сложившейся специфики межнациональных отношений в России.

Суть этой специфики, как многократно отмечено в российской исторической и философской литературе, состоит в миролюбии, мессианстве, уважительном отношении русских, а в нашем случае – сибиряков, к коренным малочисленным народам, другим инациональным группам в Сибири. Сегодня, в условиях незавершенных национальных конфликтов, эта специфическая черта может и должна стать базовой в выстраивании толерантных и дружественных отношений между отдельными национальными группами как в целом по стране, так и в крае. И опыт сближения национальных культур в Сибири, обретенный в советские годы, может и должен стать основой для выстраивания толерантных отношений во вновь объединенном Красноярском крае.

Гарантом справедливого решения межнациональных проблем должно стать абсолютное экономическое, социальное, гражданское и политическое равенство больших и малых народов Сибири в их взаимоотношениях.

Для его обеспечения у всех народностей или этнических групп должно быть право пропорционального представительства в органах власти, право на языковое и культурное самовыражение в тех границах, какие народ сам считает для себя необходимыми; право самостоятельно вести хозяйственную деятельность на территории компактного проживания.

Вопросы национальной жизни каждой этнической группы края должны решаться полномочными органами самоуправления, а не отдельными политическими лидерами.

Экономической основой межнациональных отношений в крае может и должна стать «Концепция устойчивого развития», принятая мировым сообществом в 1992 году. Более того, это вполне апробируемая идея в условиях вновь объединившегося Красноярского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международная миграция // Миграция расселения. – М., 2000. Вып. 3, с. 3-112.
2. Иммиграция и репатриация в России. – М., 2003.
3. Ионцев В.А. Мировые миграции / В.А. Ионцев. – М.: Знание, 1992.
4. Рафиков Р.Г. Вопросы межэтнических, религиозных и миграционных отношений в Красноярском крае в 2003 году / Р.Г. Рафиков. - Красноярск, 2004.
5. Корель Л.В. Межрегиональная миграция в современной России: экономический диагноз / Л.В. Корель, И.И. Корель // Регион. Экономика и социология. - Новосибирск, 2000. - № 3. – С. 80-98.
6. Ethnicity: Theory and Experience. (Ed. by N. Glezerand, D. Moynihan). Cambridge, (Mass), 1975.
7. Ethnic Conflicts and Power; A Gross – National Perspectives. Ed. by D. Geilfand and F. Lee. New-York-Sydney-Toronto, 1983.
8. Актуальные проблемы межнациональных отношений в Российской Федерации / Российская Ассоциация содействия ООН: науч.-практ. конф. (тезисы докладов). - Иркутск, 1992.